

НЕ ПЕРИЗАТЬ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О РЕТОРИКѢ.

664 ИЗСЛѢДОВАНИЕ

XVI
172.

РЕТОРИКЪ,

ВЪ ЕЯ

ВОПИСОВАТЬ

научнообразномъ содержаніи и въ отношеніяхъ, какія имѣетъ
она къ общей теоріи слова и къ логикѣ.

СОЧИНЕНІЕ

Константина Зеленецкаго.

Заменено
18/7/77 3/4

ОДЕССА.

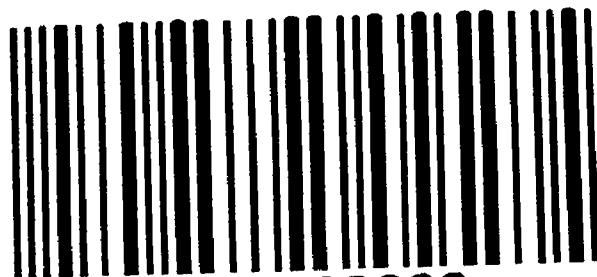
ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса 13 августа 1846.**

Ценсоръ *В. Пахманъ.*

2007089236

Разныя, совершенно несогласныя и нерѣдко противорѣчивыя мнѣнія о значеніи и составѣ Реторики, были причиною, что сочинитель прѣдлагаемой книги рѣшился разсмотрѣть предметъ этой науки съ точки зрѣнія, согласной съ современнымъ состояніемъ наукъ и знаній. Онъ старался сообщить своимъ разысканіямъ столь возможно болѣе полноты, точности и отчетливости. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ переносился въ область умозрѣнія и основывалъ свои выводы на данныхъ ума, но въ этихъ случаяхъ предметы, общіе и довольно отвлеченные по своей природѣ, были такого рода, что требовали умозрѣнія. Таково особенно опредѣленіе того предѣла, въ коемъ безусловно-необходимые, логическіе законы разумѣнія переходятъ въ область произвольнаго развитія основной мысли въ сочиненіи. Таковъ еще выводъ различныхъ родовъ прозы. Дѣло въ томъ однакожь, былъ ли онъ въ этихъ выводахъ достаточно опредѣлителенъ и вѣренъ дѣйствительности, точенъ и ясенъ въ изложеніи. Судить объ этомъ самъ онъ не можетъ.

Введение. стр. 7.

Гл. первая. Реторика, въ своемъ значеніи и по отношенію къ Логикѣ, у Древнихъ: стр. 12.

Гл. вторая. Реторика, во времена Новыя. стр. 29.

Гл. третья. Наука о Словѣ, а съ нею и Реторика, въ своихъ основаніяхъ и общихъ отношеніяхъ къ Логикѣ. стр. 52.

1. Части науки о Словѣ и между ними Реторика. стр. 52.

2. Логика и Систематика. стр. 58,

3. Законы, формы и развитіе мышленія въ отношеніи къ формамъ слова. стр. 61.

4. Ближайшее отношеніе частей Логики къ частямъ науки о Словѣ. стр. 67.

Гл. четвертая. Предметъ Реторики, изъ него выведенный, наукообразный составъ ея и ближайшее отношеніе ея къ Логикѣ. стр. 77.

1. Предметъ и система Общей Реторики. стр. 78.

2. Ближайшее отношеніе Логики къ Общей Реторикѣ, и, на этомъ основаніи, система и содержаніе первой изъ частей сей послѣдней, т. е. теоріи логическаго построенія рѣчи. стр. 81.

3. Теорія лексико-грамматическаго образованія рѣчи, какъ вторая часть Общей Реторики. стр. 93.

4. Теорія эстетико-реторическихъ условій въ образованіи рѣчи, какъ третья часть Реторики. стр. 95.

5. Рѣчь, въ своемъ общемъ составѣ, какъ предметъ четвертаго и послѣдняго отдѣла Общей Реторики. стр. 98.

6. Частная Реторика и Пѣтика. стр. 102.

Гл. пятая. О Реторикѣ и Логикѣ, въ педагогическомъ отношеніи. стр. 112.

1. Сущность преподаванія въ среднихъ училищахъ и отличіе его отъ преподаванія факультетскаго. стр. 113.

2. Педагогическое изложеніе и преподаваніе Логики въ среднихъ училищахъ. стр. 120.

3. О преподаваніи Реторики въ среднихъ училищахъ. стр. 128.

На стр. 87 по ошибкѣ сказано : третью Кантовскую категорію,
слѣдуетъ сказать : четвертую Кантовскую категорію.

Нельзя пожаловаться, чтобы по предмету Реторики не было издано множества учебниковъ, систематическихъ руководствъ, книгъ и сочиненій всякаго рода. Какъ безконечно-малыя они почти безчисленны въ Европейскихъ литературахъ. Это множество не удовлетворяетъ однакожъ требованіямъ современнаго состоянія наукъ и многіе взираютъ на Реторику съ какимъ то подозрѣніемъ. Причина этому заключается конечно въ томъ, что въ строгости эта наука не была опредѣлена ни въ своемъ наукообразномъ содержаніи и составѣ, ни въ отношеніяхъ своихъ къ наукамъ, съ нею смѣжнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за основаніе всѣхъ своихъ изложеній Реторика безусловно принимала ученія Древнихъ и преимущественно Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана о краснорѣчіи ораторскомъ. Она знать не хотѣла, что впадала при этомъ въ противорѣчіе немаловажное. Древніе, своими реторическими сочиненіями, готовили ораторовъ и преподавали науку краснорѣчія, которое составляло у нихъ важнѣйшую отрасль общественнаго

образованія, цвѣтущимъ юношамъ, почти зрѣлымъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніи. Дѣтей приготавливали они къ тому практически (*). Притомъ Древность имѣла свой собственный бытъ, свои особыя требованія и условія, которымъ вполнѣ удовлетворяли и сочиненія ея реторовъ, — сочиненія, только въ особомъ примѣненіи могущія служить руководствомъ для преподаванія въ наше время. Новѣйшіе учителя Реторики погрѣшали еще болѣе. Вмѣсто того, чтобы вникнуть съ одной стороны въ потребности и духъ своего времени, а съ другой — въ сущность и основаніе теорій, преподанныхъ великими учителями Древности, они принялись по-своему за сочиненія Греческихъ и Римскихъ реторовъ, передѣляли, даже искажали ихъ и придали сухую, схоластическую форму своей передѣлкѣ. Наставленія Древнихъ облечены были въ тощія правила, которымъ придавалась цѣнность непреложная, не смотря на то, что они не всегда заслуживали ее. Часто правила эти высказывались стихами, чтобъ тѣмъ тверже укорениться въ памяти. Замѣтимъ, что съ своей стороны, эта форма стиха вредила также: все предоставляла она памяти и тѣмъ нехотя сковывала самопроизвольное развитіе ума. Образецъ такого сухаго, схоластическаго изложенія предмета находимъ мы въ реторикѣ Бургія.

Съ другой стороны, много вреда Реторикѣ, какъ и вообще теоріи Словесности, приносило то,

(*) Такимъ образомъ, Квинтиліанъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: Реторическія наставленія, говоритъ сначала о воспитаніи будущаго оратора.

что трудовъ своихъ не посвящали ей люди, которые дарованіями своими равнялись бы въ новыя времена, Цицеронамъ и Квинтиліанамъ Древности. Тогда какъ Философія, науки Естественныя и Политическія въ лѣтописяхъ своихъ во времена новыя считаютъ Лейбницевъ, Кантовъ и Шеллинговъ, Кеплеровъ, Кювье и Гумбольдтовъ, Савиньи и Гансовъ, — науки, такъ называемыя, Словесныя и въ частности Реторика слишкомъ бѣдны самостоятельными обработчиками. Только въ послѣднее время, когда зданіе Словесныхъ наукъ распадается само собою, когда его замѣняетъ Наука о Словѣ, знамя которой, на развалинахъ теоріи Словесности, первый у насъ водрузилъ Профессоръ Давыдовъ, когда труды свои посвящаютъ этому предмету мужи, каковы Вильг. Гумбольдтъ и Бопшъ, Реторика, какъ часть Науки о Словѣ, можетъ надѣяться получить полное право гражданства въ сферѣ наукъ точныхъ, положительныхъ; можетъ сбросить свою схоластическую одежду и принять видъ болѣе естественный, болѣе согласный съ духомъ и съ направленіемъ нашего времени.

Какъ бы то ни было, слѣдствія этого по истинѣ плачевнаго состоянія Реторики были тѣ, что отроки, которыхъ не угнѣтала школьная ферула, не легко освоялись съ нашей наукою и вообще не любили ея. Это не помѣшало однакожъ тому, что у насъ и внѣ Реторики воспитались превосходные прозаики: Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ были далеки отъ Бургія. Школьная Реторика имѣла еще то вредное

вліяніе, что развивала мысль и письменный даръ слова не въ ихъ самопроизвольномъ и естественномъ ходѣ, а по формамъ однообразнымъ, условнымъ, — придуманнымъ извнѣ, а не почерпнутымъ изъ сущности самаго духа нашего. Эти формы какъ бы сковывались изъ правилъ, не всеобщихъ, не безусловныхъ, а пригодныхъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вообще относительныхъ. Отъ того образъ мысли и разсужденія, равно какъ и обороты въ выраженіи того и другаго, устанавливались въ адептахъ Реторики съ юношескихъ лѣтъ, и устанавливались въ извѣстныхъ формахъ и оборотахъ для всѣхъ движеній мысли и ея выраженія. Эта форма образовывалась такъ, какъ съ раннихъ лѣтъ образуется и утверждается почеркъ. Общія мѣста (*loci topici*), о которыхъ особенно заботились педагоги, такъ навывали мысль къ общимъ, безцвѣтнымъ выраженіямъ, такъ выглаживали ее, что это школьное вліяніе оставалось на всю жизнь. Надобно было имѣть особенныя дарованія, чтобы хоть нѣсколько освободиться отъ него. Вообще мы видимъ двѣ крайности: съ одной стороны, какъ въ иныхъ Французскихъ училищахъ, безусловное господство школьной Реторики, мертвящей мысль и выраженіе и чуждой всѣмъ современнымъ успѣхамъ просвѣщенія, съ другой, это случается вездѣ, — отсутствіе всякой Реторики, при образованіи письменнаго дара слова (*).

(*) Карамзинъ, наприм. воспитывавшійся въ пансіонѣ профессора Шадена и произвольно посѣщавшій университетскія лекціи, едва ли былъ знакомъ съ Реторикой.

Въ настоящемъ случаѣ мы должны согласить это противорѣчіе, должны разсмѣтрѣть Реторику въ общей системѣ ученій, входящихъ въ составъ науки о Словѣ, и показать за тѣмъ общее отношеніе частей сей послѣдней и между ними Реторики къ Логикѣ. Потомъ уже будетъ слѣдовать изложеніе наукообразнаго состава и содержанія Реторики. Всему этому должно предшествовать показаніе того значенія, которое Реторика имѣла у Древнихъ Грековъ и Римлянъ и того характера, который приняла она во времена новыя. Такимъ образомъ, все изслѣдованіе наше раздѣлится на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) Реторика у Древнихъ; 2) Состояніе Реторики въ наше время; 3) Наука о Словѣ, а съ нею и Реторика, въ своихъ основаніяхъ и общихъ отношеніяхъ къ Логикѣ; 4) Наукообразный составъ и содержаніе Реторики. Ко всему этому мы прибавимъ еще статью 5) о Реторикѣ въ педагогическомъ отношеніи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РЕТОРИКА, ВЪ СВОЕМЪ ЗНАЧЕНІИ И ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ЛОГИКЪ, У ДРЕВНИХЪ.

Въ до-Христіанскомъ періодѣ человѣчества, Греція имѣла самое высокое значеніе. Общественное самосознаніе пробудилось здѣсь впервые и выразилось съ одной стороны въ исторіи своего народа, а съ другой — въ наукѣ, которая устремилась къ тому, чтобы отдать отчетъ въ первыхъ впечатлѣніяхъ природы и жизни человѣческой. При возникновеніи своемъ наука не могла однакожь не отличаться всѣми свойствами юности и незрѣлости. Порывъ къ знанію горѣлъ юношескимъ одушевленіемъ, былъ стремителенъ и увлекалъ за собою всякое отчетливое, хладнокровное разсмотрѣніе, а по тому, въ нѣкоторомъ смыслѣ, былъ неполонъ, по недостатку опыта, и одностороненъ, по недостатку зрѣлости. Вотъ почему въ Древности науки имѣли совсѣмъ другой характеръ, нежели въ наше время. Тогда не было между ними такой строгой разграниченности, какую находимъ нынѣ: всѣ отрасли знанія взаимно входили въ предѣлы одни другихъ и въ извѣстной мѣрѣ были смѣшиваемы между собою. Это

особенно относится къ наукамъ, имѣющимъ предметомъ мышленіе человѣка и его слово. Конечно въ метафизическомъ отношеніи, древніе разсматривали мышленіе отрѣшенно и независимо отъ его выѣшней формы, слова, какъ это видимъ мы на примѣръ у Платона. За то въ ученіяхъ практическихъ, въ ученіяхъ о развитіи мышленія въ словесномъ выраженіи, они впадали въ недостатокъ означенный выше. Причина этому, какъ мы отчасти уже сказали, была въ томъ, что умъ еще юный и неискушенный опытомъ, своеюравно уносился въ область отвлеченности и тамъ, окриленный фантазіею, философствовалъ легко, свободно, но и безотчетно. Вотъ почему, гдѣ дѣло шло о цѣпи ближайшихъ къ намъ, но не матеріальныхъ фактовъ, каковы именно относящіеся къ мышленію и слову, тамъ умъ этотъ не былъ довольно твердъ и опытенъ, чтобы сознательно прослѣдить и опредѣлить ихъ сцѣпленіе и разграничить ихъ между собою. Въ этомъ заключается причина, почему въ древности строгаго, рѣзкаго разграниченія между логическими и реторическими ученіями никогда не было, почему у Древнихъ въ этомъ случаѣ такую важную роль играла Діалектика, это смѣшанное ученіе о логико-реторическихъ оборотахъ мысли и слова, Діалектика, которая почти не существуетъ въ наше время (¹).

(¹) Только Кантъ и Гегель включали въ систему своихъ логическихъ ученій и Діалектику. Кантъ называетъ ее «Логикой кажущагося» (*Logik des Scheins, ars sophistica, disputatoria*) и, въ предисловіи къ своей Логикѣ (стр. 21), говоритъ, что въ наше время она можетъ имѣть мѣсто только, какъ критика, разборъ кажущагося (*kritik des Scheines*). «Такимъ образомъ происходятъ, продолжаетъ онъ, двѣ части Логики:

Ученіе о свойствахъ и формахъ слова, въ строгомъ смыслѣ и безъ отношенія къ мышленію, оставалось у древнихъ во младенчествѣ. Мудрецы Греціи, въ юношескомъ порывѣ своего любознания, устремлялись непосредственно къ формамъ и извитіямъ мысли, а на ея выраженіе, слово, какъ на нѣчто самостоятельное, не обращали вниманія и разсматривали его не иначе, какъ въ отношеніи къ мысли. Только немногіе великіе умы посвятили свои занятія началамъ языка, да и они ограничивались очень немногимъ. Таковы были Платонъ и Аристотель, которые положили начало разысканіямъ этого рода, оставшимся почти безъ продолжателей. Въ Александрійской школѣ занимались языкомъ практически, т. е. объясняли разности въ діалектахъ Греческаго языка и истолковывали трудныя мѣста въ писателяхъ древности. Науки о Словѣ слѣдовательно не было, потому что начала, положенныя ей Платономъ, остались безъ дальнѣйшаго развитія, а сами по себѣ были недостаточны. Положить прочныя основанія этой наукѣ суждено было нашему времени.

Напротивъ все вниманіе древнихъ философовъ обращено было, какъ мы уже сказали, къ из-

Аналитика, которая преподаетъ чистые критеріи истины, и *Діалектика*, которая показываетъ правила и признаки, по коимъ можемъ мы узнавать, что несогласно съ чистыми критеріями истины, хотя по-видимому и не противорѣчитъ имъ. Въ этомъ значеніи Діалектика приносила бы свою пользу, именно какъ Kathartikon (средство очищенія) ума.» Изъ позднѣйшихъ философовъ только Гегель далъ особое значеніе Діалектикѣ въ отношеніи къ Философіи. Онъ принимаетъ три стороны логическаго: отвлеченную или разумную (*verständige*), діалектическую или отрицательно-умственную (*negativ-vernünftige*) и умозрительную или положительно-умственную (*spekulative oder positiv-vernünftige*).

слѣдованію формъ и развитію самой мысли. Этому много содѣйствовало то, что мышленіе человека, порываясь со всѣмъ жаромъ юности, къ разрѣшенію задачъ жизни и бытія, выражалось преимущественно въ словопреніяхъ, которыя потому служили точкой отправленія всѣхъ логико-реторическихъ ученій. Разысканія объ изворотахъ и изгибахъ мысли, подъ условіями словеснаго выраженія, въ этихъ словопреніяхъ, имѣли у древнихъ Грековъ свое историческое, постепенно совершенствовавшееся развитіе. Душею этихъ ученій во все время была Силлогистика, т. е. ученіе о силлогизмѣ, какъ такой формѣ мышленія, въ которой процессъ его опредѣляется всего полнѣе и очевиднѣе. Словопренія требовали двухъ условій: убѣдительности всего прежде и потомъ краснорѣчія. Отсюда у древнихъ вообще тѣсная связь ученій логическихъ съ реторическими, которыя у нихъ почти не отдѣлялись. Замѣтимъ притомъ, что собственно логическая сторона этихъ ученій обработана была въ Греціи, а реторическая въ Римѣ.

На первой степени изслѣдованій объ этомъ искусствѣ философскихъ бесѣдъ и словопреній, Діалогикъ или Эртематикъ, образовалась всего прежде *Эристика* (*Eristes* — богиня спора), искусство чистыхъ словопреній, не вполнѣ еще перешедшее въ теорію. Достигши высшей степени своего развитія, Эристика перешла въ Діалектику, Слово Діалектика, т. е. *διαλεκτική ἐπιστήμη* или *τέχνη*, отъ *διαλέγεσθαι*, *disserere*, самимъ словопроизводствомъ своимъ указываетъ на первоначальную связь свою съ діалогомъ, ученой бесѣдой. Отцемъ Діалектики,